

Из архивных фондов

Из истории суда в Псковской губернии

Свидетельствуют документы

ПУБЛИКУЕМЫЕ ниже два документа извлечены из фондов Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Первый представляет собой обзорную справку, рассказывающую о становлении судебных учреждений в Псковской губернии в первые два послереволюционных года (1917-1919). Она проникнута романтикой революционного времени, и призвана была показать гуманизм рождавшегося советского суда. Второй документ – литературный рассказ о деятельности дореволюционного суда, репортаж с судебного заседания, вынесшего человеку суровый приговор за небольшое преступление: показано то, от чего должен уходить новый народный суд.

Документы публикуются впервые, сохраняется их стиль, орфография и пунктуация приводятся в соответствии с нормами современного русского языка. К публикации их подготовил ведущий архивист ГАНИПО *А.С.Голубев*.

**К истории пролетарского суда в Псковской губернии
(К 2-х летнему юбилею Октябрьской революции)**

Декрет № 1 о суде, уничтожавший старый буржуазный суд и введивший новый народный суд, вступил в Псковской губернии в действие не сразу. Еще в декабре 1917 года, когда в Петрограде, Москве и др. центрах были уже упразднены старые суды, в нашей губернии все еще функционировал мировой и окружной суд с прокуратурой, адвокатурой и институтом судебных следователей. И только в январе 1918 г. из Пскова предприняты были решительные шаги для уничтожения старого суда.

20 января 1918 г. был закрыт Великолуцкий окружной суд, а равно закрыты были камеры прокурора и судебных следователей. Никакого сопротивления оказано не было. Еще до фактического упразднения суда состоялось постановление членов суда о добровольном подчинении требованию Советской власти, и церемония закрытия суда омрачилась только личным выпадом одного из старых судебных деятелей по адресу советского комиссара. В отношении мирового суда почти по всей Псковской губернии не пришлось прибегать ни к каким крутым мерам. Мировой суд почти везде число эволюционным путем преобразовался в местный народный суд, как требовалось по Декрету. В этом отношении Великолуцкий уезд находился в особенно благоприятных условиях. Путем личных переговоров мировых судей с тогдашним составом уездного Исполкома удалось установить соглашение, в силу которого мировые судьи не прекратили своей деятельности, а лишь видоизменили ее, согласно требованию Декрета № 1, переименовав себя в местных народных судей.

Таким образом, в отношении местного народного суда Великолуцкий уезд, да и почти вся Псковская губерния, оказались в счастливых условиях, имевших громадное значение для дальнейшего развития Советской власти и советского правопорядка: здесь ни на одну минуту не была прервана деятельность суда, здесь суд сразу же пошел по другому пути, указанному ему пролетарской революцией. Судебная деятельность каждого культурного государства есть ось, вокруг которой может быть только правильно построена жизнь. Раз есть налицо правосудие, значит государство живет и развивается. И вот в такой трудный период жизни, как строение новой жизни на основе лозунгов, провозглашенных Октябрьской революцией, местная псковская революционная жизнь сразу же оперлась на суд, что облегчило дальнейшее строительство революционного порядка.

В несколько худших условиях оказалось местное население в отношении крупных преступлений, бывших ранее подсудных окружному суду. С упразднением института судебных следователей почти нигде в губернии не был налажен следственный аппарат. Декрет № 2 о суде, введивший в действие народные окружные суды и следственные комиссии, несколько замедлился, и в отношении крупных преступлений некоторое время не было предпринято никаких систематических судебных мер. И в этом отношении Великолуцкий уезд оказался в более счастливых условиях и своим примером ввел для всей губернии известную систему. Благодаря отсутствию саботажа со стороны культурных сил уезда, с помощью этих сил местный Исполком учредил особую уголовно-следственную комиссию, выработал для этой комиссии наказ, и Комиссия в составе 4-х членов 21 января 1918 года приступила к своим обязанностям. Начинание Великолуцкого Исполкома было одобрено в Петрограде Народным Комиссариатом юстиции, т.к. Комиссия оказалась сконструированной такой же, как это было потом предусмотрено в Декрете № 2 о суде. По примеру Великолуцкой Комиссии были образованы Комиссии и в других уездах.

Образование уголовно-следственных комиссий сразу же внесло судебную систему в мероприятия по борьбе с крупными преступлениями. К маю, когда начал организовываться народный окружной суд, борьба с преступностью была уже систематизирована, и в этом отношении местная губернская жизнь была введена в революционную колею. Много трудных

моментов пережила уголовно-следственная комиссия. На нее были атаки со стороны лиц, не желавших по тем или иным соображениям служить в советских учреждениях. Были моменты, когда личный состав Комиссии оставался без содержания – время, предшествовавшее Брестскому миру, и все-таки эти трудности были пройдены, Комиссия осталась на своем посту и чисто естественным путем, как готовая организация, влилась в состав окружного народного суда, образованного в мае 1918 г. по Декрету № 2 о суде. Этот суд был организован трудами губернского комиссара юстиции А.П.Лебедева-Ковалевского, оставившего по себе добрую память среди судебных деятелей без различия партий и убеждений. Его светлая личность до некоторой степени была причиной того, что никто из прежних судебных деятелей не проявил саботажа и охотно и дружно вошли в состав членов нового суда.

Окружной народный суд в составе постоянных членов и 12 народных заседателей рассматривал крупные уголовные дела и гражданские дела с исками на большие суммы. Главным образом этот суд должен был ликвидировать наследие, оставшееся от упраздненного окружного суда, судебных палат и Сената. Окружной народный суд Псковской губернии, несмотря на краткое свое существование, успел развить деятельность в пределах возможного. Он имел несколько выездных сессий почти во всех городах губернии. Несмотря на плохую организацию волостных Исполкомов и волостной милиции, народные заседатели являлись аккуратно в судебные заседания. После разбора первых же двух-трех дел суд завоевывал симпатии населения. Сами народные заседатели смотрели на себя, как на служителей делу правосудия на новых началах. Вспоминается, что на сессии в одном из городов, когда суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора, то один заседатель-крестьянин обратился к своим товарищам с такой приблизительно речью: «Братцы, давайте жить по-новому, начинается новая жизнь, святая. Слепые мы были все. Надо простить его (т.е. обвиняемого). Началась новая жизнь, и он заживет по-новому, а старое забудем».

Первый же приговор окружного народного суда по делу о какой-то краже был приговором условным. Институт условного осуждения, известный в Америке и в Западной Европе уже давно, а у нас введенный только после Октябрьской революции, сразу же был усвоен народными заседателями в полном объеме, и этим институтом стали пользоваться. В области карательной системы трудно придумать что-либо более разумное, чем институт условного осуждения. И сравнительно краткий период существования народного суда показал, что именно этот институт пришелся по душе русскому рабочему и крестьянину. Этот институт как нельзя больше гармонировал с настроением нашего крестьянина и рабочего, простым своим умом понявшего, что большая часть преступлений есть следствие старых буржуазно-самодержавных условий жизни. Отсюда мягкое, сердечное отношение к уголовному преступнику. Отсюда твердо усвоенное народом понятие о том, что преступник прежде всего человек.

Припоминается такой случай, что перед судом был однажды бывший полицейский урядник, оставивший эту должность еще при самодержавии. Этот бывший урядник обвинялся в нанесении раны своему соседу по деревне. Когда суд удалился для постановления приговора, то один из заседателей – коммунист обратился к своим товарищам с такими словами: «Забудем здесь, что он (т.е. обвиняемый) был урядником. Помните, что он человек, и будем судить только человека».

Доверие к новому народному суду со стороны населения росло не по дням, а по часам. Даже люди, предубежденные против нового суда, находили, что суд «хорошо» разбирается в делах. Постепенно суд уничтожал предубеждение, и таких людей к январю, когда введен был в действие единый народный суд, можно сказать, не осталось ни одного юриста, который не вошел бы в состав того или иного судебного учреждения нашей губернии.

Единый народный суд, введенный в действие с января 1919 года, был построен в нашей губернии уже на готовом фундаменте в виде местного народного суда и окружного народного суда. Заключительная реформа в нашей губернии была уже подготовлена предыдущей деятельностью. Единый народный суд настолько окреп, что стал правовым фактором всей

советской жизни губернии. К концу 1919 года народные судьи явились членами ревизионных комиссий при волостных Исполкомах и юрисконсультантами их. Так постепенно суд вливался в общую связь советского строя, как один из необходимых звеньев. Много еще работы впереди. Много еще недочетов. Мало еще опытных, хороших судей. Много еще неразрешенных вопросов, но все же ко дню двухлетнего юбилея пролетарского суда следует признать, что наш суд нашел себя и вышел на большую дорогу. Остается пожелать, чтобы в будущем народный суд внес не одну светлую страницу в историю пролетарской революции и стал бы единым народным судом в буквальном смысле слова.

Ф.Суетов

(ГАНИПО. Ф.1. оп.1. д.130. лл.1-4)

№ 2

Из забытого прошлого (Быль)

Зал окружного суда. Сейчас начнется дело. Тикают старые часы – сухие, мертвые звуки. На скамье подсудимых в изорванном армячишке крестьянин. Враждебно глядят испуганные глаза. В струнку вытянулись два молодых солдата с винтовками в руках с наивными лицами, – точно неживые. В зале публика... Любители суда. Студент, две дамы в черных платьях и несколько серых, непонятных профессий людей.

В углу на скамье, прислонив голову – простая деревенская баба. Она о чем-то угрюмо думает. Склоненная фигурка точно придавлена гирей. Иногда по серой, обветрившейся щеке проползет слеза. Это жена обвиняемого.

Громкий окрик пристава «Прошу встать – суд идет!» нарушает тоскливую тишину зала. Неохотно поднимается публика, тянутся еще больше конвоиры. Тихо и чинно выходят три чиновника и садятся за красный стол. Новенькие сюртучки, блестящие пуговицы, холодные, бесстрастные лица. Точно замерли три фигурки за красным столом. И в зал точно вошел ужас темниц, где томятся, где стонут от тоски по свободе люди.

На скамьях в два ряда сидят обыватели – серые, запуганные. Они судьи, они будут решать судьбу человека.

Черствый, скрипучий голос председателя объявляет начало суда. На скамье подсудимых тяжкий преступник, он украл курицу. Это третья кража за его сорокалетнюю жизнь. Обвиняемый сознается в преступлении. Простым, нескладным языком говорит он о голоде, о том, как плакали голодные дети, как тяжело было пойти на кражу, но заставила нужда. Кто-то плачет в сером углу. Как тяжело хочется, чтобы эти слезы, как горячий огонь, растопили каменные сердца судей и обратили их в чистую воду правды. Но это невозможно. Процесс идет по-казенному, по букве закона, по лучшей и строжайшей форме судопроизводства. Все размеренно, все определено, как в часовом механизме. Этот точный механизм откроет правду...

Молодой прокурор, отчеканивая каждое слово, говорит обвинительную речь. Он говорит о вреде преступления, об общественной безопасности, о праве собственности. Хорошо и красиво говорит прокурор, и от этого как-то больней, как-то тоскливее делается на душе... Хочется крикнуть: «Человек, остановись, ты не понял твоего брата, он не преступник, он темный человек, которого толкнул на это голод».

Но прокурор говорит... Кто остановит его от лжи, кто восстановит правду...

Последнее слово обвиняемого, простое бесхитростное слово: «Да, я украл».

Снова оклик пристава, и суд присяжных удаляется...

Жутко в зале. Чья-то железная рука сковывает тоской сердца живых людей... Почему-то страшно делается за судьбу человека, сидящего на первой скамье... Медленно и мерно стучат часы. Испуганное сердце ждет страшного ответа, развязки этой смешной и трагической истории... Звонок... Вошли... Читает – «да, виновен». Теперь судьба человека передается в руки трех чиновников – они по статье отмерят его вину... Опять читают – «Три с половиной года арестантских отделений»...

Вот правда во всей красоте и величии. И темный, безграмотный человек в сером армяке, с непонятной душой уйдет во мрак тюрьмы. Уйдет, чтобы оттуда никогда не вернуться честным гражданином... В холодном каменном мешке он узнает правду. Проклиная людей, он изучит все способы краж, мошенничеств и других способов легкой наживы.

Последний плач жены, последний вопль из глубины – темной, но честной, пострадавшей крестьянской души... Ушли и слова тихо... Тихо... А там за окном, там за стеной суда жизнь. Великая, могучая, она зовет к солнцу, свободе, к братству... И хочется крикнуть уходящим из зала судьям – остановитесь! Сбросьте ваш сухой и бесчеловечный формализм... Он сейчас убил человека, живого человека... Он убил вас. Вы не люди, вы деревянные куклы... В тысяче статей и законоположений вы не заметили человека... Вы не узнали своего брата...

Но они уходят... Они не понимают... Мертвые, сухие – они не видят правды.

И.Взоров

20/X – 19 г.

(ГАНИПО. Ф.1. оп.1. д.130. лл.7-8)